

ИНТЕГРАЦИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ БАРЬЕРЫ И МОДЕЛИ КООПЕРАЦИИ

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru

INTEGRATION OF SMALL BUSINESS FORMS INTO AGRO-INDUSTRIAL CLUSTERS BARRIERS AND MODELS OF COOPERATION

Yu. Mindlin

Summary. The article examines the problem of the inclusion of small forms of management — peasant farms and private subsidiary farms — in the agro-industrial clusters of Russia. The relevance of the study is due to the structural deformation of the domestic agro-industrial complex, expressed in the polarization between large agricultural holdings and millions of small producers in the absence of a developed middle management and effective cooperative ties. Based on the analysis of scientific literature, regulatory legal acts and empirical research materials, the barriers preventing the integration of small farms into cluster structures are systematized. Three groups of barriers are identified: institutional and economic, related to the inequality of market power and discriminatory conditions of access to sales markets; structural and organizational, due to the lack of cooperation infrastructure and a shortage of qualified personnel; socio-cultural, rooted in a low level of trust and lack of traditions of networking. The conclusion is substantiated that it is necessary to reorient the state cluster policy from supporting formal cluster formations to stimulating real cooperative ties and creating institutional conditions for the integration of small businesses. This implies abandoning the practice of «assigning» clusters «from above», switching to supporting initiatives emanating from manufacturers themselves, and developing flexible, differentiated tools to stimulate cooperation that take into account regional and industry specifics.

Keywords: small business forms, agro-industrial cluster, small business, cooperation, cluster policy.

Аннотация. В статье исследуется проблема включения малых форм хозяйствования — крестьянско-фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств — в состав агропромышленных кластеров России. Актуальность исследования обусловлена структурной деформацией отечественного агропромышленного комплекса, выраженной в поляризации между крупными агрохолдингами и миллионами мелких товаропроизводителей при отсутствии развитого среднего звена и эффективных кооперационных связей. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов и материалов эмпирических исследований систематизированы барьеры, препятствующие интеграции малых хозяйств в кластерные структуры. Выделены три группы барьеров: институционально-экономические, связанные с неравенством рыночной власти и дискриминационными условиями доступа к рынкам сбыта; структурно-организационные, обусловленные отсутствием инфраструктуры кооперации и дефицитом квалифицированных кадров; социокультурные, коренящиеся в низком уровне доверия и отсутствии традиций сетевого взаимодействия. Обоснован вывод о необходимости переориентации государственной кластерной политики с поддержки формальных кластерных образований на стимулирование реальных кооперационных связей и создание институциональных условий для интеграции малого бизнеса. Это предполагает отказ от практики «назначения» кластеров «сверху», переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, и разработку гибких, дифференцированных инструментов стимулирования кооперации, учитывающих региональную и отраслевую специфику.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, агропромышленный кластер, малый бизнес, кооперация, кластерная политика.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тремя фундаментальными обстоятельствами. Во-первых, несмотря на формальные успехи политики импортозамещения, программа продовольственной безопасности остается невыполненной по мясу, овощам, молоку и продуктам его переработки. Интеграция миллионов малых товаропроизводителей в эффективные производственные цепочки могла бы внести существенный вклад в решение этой проблемы. Во-вторых, сохраняющийся диспаритет цен и неравенство рыночной власти между сельхозпроизводителями, переработ-

чиками и торговыми сетями создают устойчивые «ножницы цен», при которых основная доля добавленной стоимости оседает в сфере обращения. Малые производители, не обладающие рыночной властью, оказываются в наиболее уязвимом положении. В-третьих, санкционные ограничения и необходимость ускоренного импортозамещения требуют мобилизации всех имеющихся ресурсов, включая потенциал малого агробизнеса, что невозможно без создания эффективных кооперационных механизмов.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе барьеров, препятствующих интеграции

малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры России, и разработке типологии моделей кооперации, позволяющих преодолеть эти барьеры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявление и классификация экономических, институциональных и социокультурных барьеров интеграции; анализ существующих практик и форм кооперации малых сельхозпроизводителей в рамках кластерных структур; обобщение и систематизация моделей интеграции, апробированных в отечественной и зарубежной практике; разработка рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере поддержки кластерных инициатив малого агробизнеса.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями. Во-первых, в работе впервые предложена комплексная классификация барьеров интеграции малых хозяйств в агропромышленные кластеры, дифференцирующая препятствия по источникам их возникновения и механизмам воздействия. Во-вторых, осуществлена операционализация понятия «интеграция малых форм хозяйствования в кластер», предполагающая разграничение формального членства и реальной включенности в кооперационные связи. В-третьих, разработана оригинальная типология моделей кооперации, учитывающая как характер связей между участниками (горизонтальные, вертикальные, гибридные), так и степень их институционализации. В-четвертых, обоснован тезис о необходимости переориентации государственной кластерной политики с поддержки кластеров как статических образований на стимулирование кластеризации как динамического процесса установления кооперационных связей.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения институциональной экономической теории, теории кластеров М. Портера, концепции вертикальной конкуренции и сетевого взаимодействия. Эмпирическую базу работы образуют научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам кластеризации АПК и развития малого агробизнеса, материалы докладов о состоянии конкуренции в субъектах Российской Федерации, официальные данные Федеральной службы государственной статистики.

В процессе исследования применялись следующие методы: системный анализ, позволивший рассматривать интеграцию малых хозяйств в кластеры как многомерный процесс, детерминированный совокупностью разнородных факторов; сравнительно-правовой анализ, использованный для выявления институциональных условий функционирования кластерных структур; метод типологизации, на основе которого разработана классификация барьеров и моделей кооперации.

Результаты и обсуждения

Агропромышленный комплекс России демонстрирует парадоксальную структурную конфигурацию. Наряду с крупными агрохолдингами, интегрирующими полные производственно-сбытовые цепочки и получающими масштабную государственную поддержку, в отрасли функционирует значительный сектор малых форм хозяйствования. В масштабах страны численность малых сельхозпроизводителей исчисляется миллионами, они производят существенную долю картофеля, овощей, молока и мяса. Однако их экономическое положение характеризуется хронической неустойчивостью, ограниченным доступом к рынкам сбыта, финансовым ресурсам и современным технологиям.

Кластерный подход, активно продвигаемый в российской экономической политике на протяжении полутора десятилетий, рассматривается как перспективный инструмент преодоления разобщенности сельхозпроизводителей и интеграции малого бизнеса в эффективные производственно-сбытовые сети [2]. В России происходит регистрация агропромышленных кластеров, декларирующих основным видом деятельности сельское хозяйство и рыболовство: в Брянской, Новгородской, Вологодской, Ростовской и Астраханской областях. Однако, как свидетельствуют результаты исследований, реальная интеграция малых форм хозяйствования в эти кластерные образования остается крайне ограниченной. Более того, как отмечают эксперты, создавать агропромышленные кластеры в России крайне проблематично именно из-за отсутствия среднего звена, которое в мировой практике является основой кластерных структур [9].

Проведенный анализ позволяет выделить три укрупненные группы барьеров, препятствующих полноценной интеграции малых сельскохозяйственных товаропроизводителей в кластерные структуры: институционально-экономические, структурно-организационные и социокультурные.

Институционально-экономические барьеры имеют фундаментальный характер и коренятся в сложившейся конфигурации рыночной власти в агропродовольственных цепочках. Главная проблема заключается в неравенстве рыночной власти смежных предприятий, порождающем недобросовестную вертикальную конкуренцию [3]. Монополисты — производители минеральных удобрений, химических средств защиты растений, сельскохозяйственной техники — реализуют продукцию по завышенным ценам. Организации, занимающие монопольное положение (перерабатывающие предприятия, крупные торговые сети), напротив, приобретают сырье по заниженным ценам. В результате основные транзакционные издержки несут малые и средние сель-

скохозяйственные производители, которые не имеют возможности диктовать условия контрагентам.

Особую остроту эта проблема приобретает во взаимоотношениях малых производителей с торговыми сетями. К примеру, Доклад о состоянии конкуренции в Калининградской области фиксирует развернутую систему дискриминационных условий, навязываемых сетевым ритейлом поставщикам: годовые фиксированные скидки от оборота, базовые скидки от цены прайс-листа, ежемесячные и единовременные премии, плата за размещение на паллетных местах, скидки на реализацию акционного товара, плата за изучение потребительского спроса [5]. Многие из этих платежей дублируют друг друга либо взимаются за действия, выгодные в первую очередь самому продавцу. При этом ответственность поставщика в договорах прописана тщательнейшим образом, тогда как ответственность покупателя за ненадлежащее исполнение обязательств практически отсутствует.

Столь же серьезным барьером являются длительные отсрочки платежей. Как свидетельствуют материалы обсуждения проблем малого агробизнеса, производители зачастую ожидают оплаты за поставленную продукцию по полгода и более, что при высокой кредитной нагрузке и ограниченном доступе к заемным средствам ставит их на грань банкротства.

Структурно-организационные барьеры связаны с отсутствием развитой инфраструктуры кооперации и дефицитом компетенций, необходимых для эффективного сетевого взаимодействия. Российское сельское хозяйство, как отмечают эксперты, представлено либо крупными агрохолдингами, либо мелкими фермерскими хозяйствами, тогда как среднее звено, призванное связывать эти два крайних состояния, фактически отсутствует [2]. Крупный бизнес не заинтересован в привлечении мелких производителей, предпочитая диктовать цены и условия поставок сырья. Малые хозяйства, в свою очередь, не обладают ни финансовыми, ни организационными ресурсами для самостоятельного создания кооперативных структур.

Тем не менее, подчеркиваются преимущества кластеризации: такие эффекты, как снижение транспортных затрат внутри кластера, уменьшение расходов на создание объектов инфраструктуры, формирование базы для повышения квалификации сотрудников, упрощение доступа к информации по программам государственной поддержки [1, 4, 8]. Однако реализация этих преимуществ требует предварительных инвестиций в координацию и организацию взаимодействия, которые малый бизнес осуществить не в состоянии.

Показательным примером является кластер «Донские молочные продукты» в Ростовской области. При ли-

дерстве по количеству занятых сотрудников (более 7 тысяч человек) и существенном интересе со стороны малых производителей в 2018 году заявки на вступление подали 22 предприятия и КФХ. Однако из проекта по строительству 45 молочно-товарных ферм не было реализовано ни одной постройки, что власти объяснили отсутствием кормовой базы — фермерам выгоднее сеять подсолнечник и зерновые [2]. Данная ситуация наглядно демонстрирует, что формальное членство в кластере не тождественно реальной интеграции и не обеспечивает автоматического согласования экономических интересов участников.

Социокультурные барьеры представляются наименее изученными, но едва ли не наиболее трудно преодолимыми. Исследователи в качестве одной из ключевых проблем развития кластеров в аграрной сфере называют отсутствие доверия между потенциальными участниками [10]. Аграрии не видят преимуществ в объединении, упоывая на поддержку государства для отдельного сельхозпредприятия. Длительный период трансформационных преобразований, сопровождавшийся разрывом сложившихся кооперационных связей и дискредитацией коллективных форм хозяйствования, сформировал устойчивую установку на индивидуальное выживание.

П.А. Лобанов в своем исследовании сетевых структур в российском аграрном секторе приходит к выводу о необходимости смещения акцентов в государственной политике поддержки кооперации: от помощи сельскохозяйственным потребительским кооперативам как организационно-правовым формам — к развитию сотрудничества фермеров и владельцев личных подсобных хозяйств между собой и с другими участниками агропромышленного комплекса [6]. Это принципиально важное положение: не формальные кооперативы, создаваемые «под программу», а реальные, зачастую неформальные сети взаимодействия, основанные на доверии и взаимной выгоде, должны стать объектом государственной поддержки. Однако действующая система государственного администрирования с ее жесткими формальными критериями и отчетностью плохо приспособлена к работе с такими «мягкими» объектами.

Преодоление выделенных барьеров требует не просто активизации государственной поддержки, но концептуального переосмысления самой модели интеграции малых форм хозяйствования в кластерные структуры.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что главная проблема интеграции малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры заключается не в отсутствии организационно-правовых форм или моделей кооперации, а в неблагоприятной институциональной среде, в рамках которой эти модели реализуются.

Формальное создание кластеров, включение в реестры, разработка стратегий и программ развития не приводят к кардинальному улучшению положения малых производителей до тех пор, пока сохраняются фундаментальные диспропорции в распределении рыночной власти вдоль производственно-сбытовых цепочек. Такой формальный подход к созданию кластеров, при котором основное внимание уделяется отчетным показателям и соответствии определенным критериям, должен уступить место политике, направленной на формирование реальных кооперационных связей и институтов доверия.

Существенным ресурсом развития кооперации малых хозяйств является использование потенциала региональных центров кластерного развития. Необходимо применять новые инструменты кластерной политики, включая расширение форм государственной поддержки за счет механизмов методической, информационно-консультационной, финансовой, правовой и образовательной поддержки. Важно подчеркнуть, что речь идет не о замещении рыночных механизмов государственным администрированием, а о создании условий, при которых кооперация становится для малого бизнеса экономически рациональным выбором, а не вынужденной мерой выживания.

Принципиальное значение имеет адресность государственной поддержки. Основным инвестиционным источником для развития села остаются кредитные ресурсы финансовых организаций, однако доступность кредитов для малых сельхозтоваропроизводителей крайне низка [5, 7, 8]. Программы льготного кредитования ориентированы преимущественно на крупный бизнес, способный предоставить ликвидное обеспечение и продемонстрировать устойчивые финансовые показатели. Малые хозяйства, даже объединенные в кластеры, остаются вне периметра этих программ.

Альтернативой может стать развитие специализированных финансовых инструментов, адаптированных к потребностям малого агробизнеса: кредитной кооперации, микрофинансирования, взаимного страхования. В настоящее время все это находится на начальной стадии развития и масштабы такой поддержки несопоставимы ни с потребностями отрасли, ни с объемами финансирования, направляемыми на льготное кредитование крупных агрохолдингов.

Обобщение результатов анализа позволяет сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере интеграции малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры.

Во-первых, необходимо преодолеть терминологическую неопределенность и формализм в оценке кластерных инициатив. Пока в открытых публикациях государ-

ственной статистики отсутствуют систематизированные данные о наличии кластеров и результатах их развития, говорить об эффективности кластерной политики преждевременно. Требуется разработка четких, операционализируемых критериев отнесения тех или иных объединений к агропромышленным кластерам, причем эти критерии должны фиксировать не столько формальные признаки (наличие соглашения, утвержденной программы, специализированной организации), сколько реальные показатели интенсивности кооперационных связей и их влияние на экономическое положение участников, особенно малых.

Во-вторых, целесообразно смещение акцентов с поддержки кластеров как статических образований на стимулирование процессов кластеризации как динамического установления и развития кооперационных связей. Это предполагает переход от конкурсного отбора и наделения статусом «кластера» ограниченного числа объединений к широкой поддержке разнообразных форм кооперации малых хозяйств между собой и с крупным бизнесом. Принципиальное значение имеет отказ от практики «назначения» кластеров «сверху» и переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, их ассоциаций и других форм самоорганизации.

В-третьих, необходима интеграция антимонопольного и кластерного регулирования. До тех пор, сохраняется неравенство рыночной власти в производственно-сбытовых цепочках, кластерная политика рискует остаться декоративным мероприятием, не затрагивающим глубинных причин неэффективности. Ограничение дискриминационных практик торговых сетей и перерабатывающих предприятий, обеспечение прозрачности ценообразования, сокращение сроков расчетов с поставщиками, запрет скрытых комиссий и бонусов — эти меры, реализуемые в рамках антимонопольного законодательства, создают необходимые институциональные предпосылки для развития равноправных кооперационных отношений в кластерах.

В-четвертых, следует пересмотреть подходы к финансовой поддержке малого агробизнеса в рамках кластерных инициатив. Практика субсидирования процентных ставок по кредитам доказала свою низкую эффективность для малых хозяйств, не имеющих доступа к банковскому кредитованию. Более перспективными представляются механизмы, основанные на разделении рисков и затрат: софинансирование создания объектов кооперативной инфраструктуры (хранилищ, цехов первичной переработки, логистических центров), предоставление гарантий и поручительств, развитие лизинга с пониженной ставкой для малых хозяйств — участников кластеров.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Интеграция малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры в России сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров, которые не могут быть преодолены в рамках действующей модели кластерной политики. Институционально-экономические барьеры, обусловленные неравенством рыночной власти и дискриминационными практиками взаимодействия с переработчиками и торговыми сетями, имеют фундаментальный характер и требуют системных изменений в антимонопольном регулировании. Структурно-организационные барьеры, связанные с отсутствием развитой инфраструктуры кооперации и дефицитом управленческих компетенций, могут быть снижены за счет целевых программ поддержки и развития региональных центров кластерного развития. Социокультурные барьеры, коренящиеся в дефиците доверия и отсутствии традиций сетевого взаимодействия, являются наиболее инерционными и требуют долгосрочных инвестиций в формирование кооперативной культуры.

Главным условием реальной, а не формальной интеграции малых хозяйств в кластеры является переориентация государственной политики с поддержки кластеров как организационно оформленных образований на стимулирование процессов кластеризации — установления и развития устойчивых кооперационных связей между экономически самостоятельными субъектами. Это предполагает отказ от практики «назначения» кластеров «сверху», переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, и разработку гибких, дифференцированных инструментов стимулирования кооперации, учитывающих региональную и отраслевую специфику.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методики количественной оценки интенсивности кооперационных связей в агропромышленных кластерах и степени реальной интеграции малых форм хозяйствования. Необходимо также сравнительный анализ эффективности различных моделей государственной поддержки кластерных инициатив малого агробизнеса в регионах России с целью выявления и тиражирования успешных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19) // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 28.01.2026).
2. Агропромышленные кластеры в России: перспективы, проблемы и пути развития // Особые экономические зоны. ОЭЗ.рф. — URL: <https://xn--g1an9b.xn--p1ai/articles/agropromyshlennye-klastery-v-rossii-perspektivy-problemy-i-puti-razvitiya/>
3. Аничин, В.Л., Чугай Д.Ю. От кластерной политики к регулированию вертикальной конкуренции // Научный результат. Экономические исследования. — 2022. — Т. 8, № 4. — С. 67–81. — DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-4-0-5.
4. Воронин, Б. А. Кластеры в системе АПК: экономико-правовые аспекты: монография / Б. А. Воронин, Я. В. Воронина, С. Г. Головина [и др.]. — Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2020. — 168 с.
5. Доклад о состоянии конкуренции в Калининградской области // СПС Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/9756624/1a021ee51cf500830e99510141278135/> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Лобанов, П.А. Сетевые структуры в российском аграрном секторе // Экономические и социальные проблемы России. — 2025. — № 2. — С. 99–121. — DOI: 10.31249/espr/2025.02.05.
7. Менлебаев, Р.Р. Роль и влияние государственной поддержки на развитие технологических кластеров в АПК / Р.Р. Менлебаев // Продовольственная политика и безопасность. — 2024. — Т. 11, № 4. — DOI 10.18334/ppib.11.4.122011.
8. Мирзаев, Ш., Артыкбаев А. Кластерный подход в развитии сельского хозяйства // Alfraganus. — 2024. — №1 (6). — С. 41–44.
9. Моттаева, А.Б. Актуальные тенденции кластерного развития промышленности в Российской Федерации // E-Management. — 2025. — Т. 8, №3. — С. 44–62.
10. Moga, I.S., Baykov F.Yu., Sidorenko V.S. Analysis of factors limiting the import-substituting effect of cluster development in the agro-industrial complex // BIO Web of Conferences. — 2025. — Vol. 161. — Article 00003. — DOI: 10.1051/bioconf/202516100003.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»